

2001.03.070. ПРЕСТУПНИК И ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. (Научно-аналитический обзор).

Вопросы, связанные с проблемой соотношения (разграничения) понятий “преступник” и “жертва”, уже давно привлекают внимание широкого круга специалистов, как теоретиков, так и практиков. Одни исследователи резко противопоставляют эти понятия, другим такое противопоставление представляется надуманным, искусственным.

В 1972 г. известный датский ученый Вагн Гreve высказал интересную, хотя и несколько парадоксальную мысль. Мы все, заявил он, преступники, но только некоторые из нас, определенные группы населения, подвергаются наказанию. Чем же определяется такая избирательность? Ответы на этот вопрос, как и на многие другие криминологические вопросы, следует, по его мнению, искать в сфере взаимоотношений преступника и жертвы преступления. Ведь именно поведение жертвы, утверждает Вагн Гreve, создает условия, обеспечивающие возможность совершения преступления, а нередко даже провоцирующее его совершение. Нельзя забывать и о том, указывает он, что именно жертва заявляет в полицию об уголовном посягательстве, которому она подверглась, и тем самым именно она приводит в движение уголовное дело¹⁸.

В.Гreve анализирует причины, по которым владельцы заявляют или не заявляют в полицию по поводу краж, совершаемых в их магазинах. Несомненно, крупный размер похищенного служит основанием для подачи заявления в полицию. Вместе с тем отмечается, что владелец заявляет в полицию далеко не обо всех кражах и что решение о подаче такого заявления не носит случайного характера, а обуславливается определенными факторами. В частности, таким, как: соотносывается ли личность правонарушителя с общепринятым понятием “типичного магазинного вора”. Как правило, заявление в полицию о совершенном правонарушении подается в тех случаях, когда субъект преступления по своим данным соответствует широко распространенному в обществе представлению о преступнике; иными словами, когда это молодой мужчина с низким уровнем образования, представитель низших социальных слоев¹⁹.

Такая позиция характерна для зарубежной криминологии 60-х и начала 70-х годов, когда внимание специалистов было сосредоточено на так называемом интеракционистском подходе (концепция реакции на отклонение) к проблемам преступности и концепции стигматизации, а не на изучении причин преступности²⁰. В этот период, по утверждению В.Гreve, учение о преступнике постепенно из предмета кримино-логических исследований становится предметом исследования виктимологии и социологии права.

Представляется, что это утверждение было несколько прежде-временным. Вместе с тем нельзя не признать, что в последующие годы виктимология обретает все большее значение, и в первую очередь в области исследований генезиса преступности.

Вышеприведенное высказывание В.Гreve о том, что именно поведение жертвы создает условия для совершения преступления или даже провоцирует его, основывается на теории “victim precipitation” (содействие, приближение жертвой собственной виктимизации), которая впервые в 1958 г. была освещена в работе американского криминолога Мервина Е. Вольфганга в 1958 г. (11). Анализируя отношение между преступником и его жертвой в делах об убийствах, М.Е.Вольфганг использует термин “victim precipitation”, описывая провокацию обстоятельств, содействующих совершению преступления, где потерпевшее лицо выступает инициатором конфликта, завершившегося его убийством. Жертвой оказывается сторона, спровоцировавшая драку, первая применившая силу. Следовательно, в данной конкретной ситуации жертва выступила в роли преступника.

Теория “victim precipitation” была воспринята современниками как крайне спорная, дискуссионная. В 1971 г. ее использовал ученик М.Е.Вольфганга Менахем Амир (1) при исследовании проблемы изнасилования. Он утверждал, что фактор “precipitation” присутствует в поведении любой женщины, подвергшейся изнасилованию. При этом ее поведение

¹⁸ Greve V. Kriminalitet som normalitet. – Kbenhavn, 1972. – S. 279.

¹⁹ Ibid. – S. 299.

²⁰ Becker H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. – N.Y., 1963. – 181 p.; Hoefnagels G.P. The other side of criminology. – Deventer, 1973. – 181 p.; Lemert E.M. Human deviance, social problems and social control. – Englewood Cliffs, 1967. – 200 p.; Osborn L. Beyond stigma theory: A literary approach // Issues in criminology. – Berkeley, 1974. – Vol. 9, N 1. – P. 70-90; Shur E. Reactions to deviance: A critical assessment // Amer. j. of sociology. – Chicago, 1969. – Vol. 75, N 3. – P.309-322 и др.

оценивается либо как непосредственный призыв к сексуальным отношениям, либо как провоцирующее, стимулирующее насильника к совершению сексуального насилия.

Поведение жертвы, согласно теории М.Амира, может выражаться как в действии (поступке) (например, женщина принимает приглашение зайти в ресторан и выпить бокал вина), так и в бездействии (пассивности) (например, женщина не оказывает должного сопротивления сексуальным домогательствам). При этом не является решающим, ведет ли себя женщина так сознательно или бессознательно, соблазняет ли она потенциального преступника либо совершает рискованные в данной ситуации поступки. Главное состоит в том, как ее поведение воспринимает субъект преступления. Даже если восприятие данного субъекта ложно, превратно, оно приводит его к совершению преступного посягательства и создает возможность для оправдания такого поведения, объяснения причин, побудивших его к совершению этого деяния. Он воспринимает поведение пострадавшей как поведение, не совместимое с его представлениями о поведении порядочной женщины. Она, по его мнению, заслуживает того обращения, которому подверглась. Если же полиция, прокурор и судья придерживаются той же социокультурной ориентации, что и правонарушитель, то они будут воспринимать сложившуюся ситуацию подобным же образом. Поэтому задача исследователя состоит в том, чтобы особое внимание уделить рассмотрению тех ситуаций, где поведение женщины наряду с неблагоприятной (риско-опасной) обстановкой позволяет оценивать ее действия как неосмотрительные, опрометчивые (*precipitate*), как действия, не только создающие благоприятные условия для посягательства, но и провоцирующие его совершение. Иными словами, тех ситуаций, при которых не все лица, подвергшиеся изнасилованию, могут называться жертвами преступления, и не все из них в результате судебного рассмотрения официально признаются таковыми.

Сложность применения теории “victim precipitation” на практике определяется трудностью расследования дел об изнасиловании (в связи с рассмотренными выше особенностями) и опасностью того, что ее установка априори приведет к обвинению жертвы в ее виктимности. Вместе с тем хорошо известно, насколько несовершенна любая теория при расследовании насильственных преступлений, с какими неожиданностями приходится сталкиваться при установлении виновной и пострадавшей сторон. В связи с этим на память приходит работа Н.Кристи, посвященная идеальной жертве (цит. по: 8, с. 231), где он называет пять основных критериев, которые способствуют обретению лицом легитимного статуса жертвы. Три критерия относятся непосредственно к самой жертве. Жертва преступления должна быть слабой, невинной, чистой, она выполняет почтенное поручение (дело) вне дома, в месте, безупречность и респектабельность которого ни у кого не вызывает сомнения. Два других критерия связаны с субъектом преступления: он (как правило, это представитель мужского пола) должен быть сильным, отвратительным, случайно встретившимся с жертвой, посторонним, не знакомым с пострадавшей лицом. Понятие “идеального преступного деятеля” Н.Кристи, которое вполне созвучно предложенному В.Греве понятию “типичного магазинного вора”.

Использование теории “victim precipitation” при расследовании дел об убийствах и иных насильственных посягательствах еще раз подтверждает случайность того, кто из участников события преступления в конечном итоге окажется преступником, а кто жертвой. Рассмотрение многочисленных уголовных дел, возбужденных в связи с насильственными посягательствами, совершенными в питейных заведениях, где установление виновных и пострадавших носит весьма произвольный характер, говорит о том, что очень часто физически более сильному участнику такого конфликта априори отводится роль преступника, т.е. ему приклеивается ярлык посягателя, а физически более слабому – роль жертвы. Ситуация усложняется еще и тем, что сторона, которая решает заявить о происшедшем в полицию, как правило, воспринимается как лицо пострадавшее, как жертва. Кроме того, врачебная экспертиза участников таких столкновений практически всегда устанавливает, что обе стороны во время события преступления находились в состоянии алкогольного опьянения (2).

Иногда тривиальная ссора может закончиться тем, что один из партнеров становится убийцей, а совершенно постороннее лицо, случайно втянутое в конфликт, – жертвой. Американский криминолог Кеннет Полк (10) анализирует такого рода насильственные посягательства, опираясь на понятие “мужественность” (*masculinity*), которое определяет совокупность черт, коими должен обладать настоящий мужчина, и правила, устанавливающие, как он должен себя вести, чтобы защитить свою мужскую честь. Конфликты в трактирах и иных питейных заведениях возникают, главным образом, в результате нанесения оскорбления кем-то

кому-то. При этом следует учитывать, что подвергшийся оскорблению находится, как правило, в обществе женщины. Важным фактором, провоцирующим насильственные действия, служит присутствие посторонних лиц, в основном мужчин, которые одобряют и даже поощряют применение силы в ответ на причиненное унижение (39, с. 44).

Проведенные исследования показывают также, что многие жертвы насильственных преступлений ранее уже были зарегистрированы в качестве лиц, совершивших насильственные посягательства, и что насильственные преступники сами неоднократно оказывались жертвами насильственных преступлений. Можно даже полагать, что феномен насилия составляет как бы неотъемлемую часть их образа жизни. Канадский криминолог Эззат А. Фаттах выразил эту мысль в следующих словах: “Склонность некоторых лиц легко вовлекаться в разного рода конфликтные ситуации приводит к тому, что они в равной степени могут как применять насилие, так и страдать от насилия; как нападать, так и подвергаться нападению; как совершать убийство, так и оказываться жертвой убийцы. Кто в конечном итоге станет пострадавшей стороной, жертвой конфликта или в результате судебного приговора будет назван преступником, чаще всего зависит от совершенно случайных обстоятельств, а не от продуманных, целенаправленных действий, планирования или намерений участников события преступления” (4, с. 9).

Е.А.Фаттах считает также, что жертва и преступник не обязательно выступают во взаимоисключающих, антагонистических ролях, часто наоборот, эти роли носят взаимозаменяющий и взаимодополняющий характер.

Следует отметить, что встречается множество дел, при рассмотрении которых не всегда возможно четко отграничить преступника от жертвы, дифференцировать эти понятия. В качестве примера можно привести дело об убийстве (из датской судебной практики), которое рассматривалось в 1986 г. Оно касалось двух сестер, проживающих вместе с одним мужчиной, который систематически их терроризировал, подвергал всяческим унижениям, насильственным посягательствам и даже изнасилованию. В конце концов, однажды они его застрелили. Суд присяжных признал их виновными в совершении убийства, но, приняв во внимание многочисленные смягчающие обстоятельства, освободил от наказания. Здесь речь идет о “преступнике”, который никогда не будет осужден за преступления, совершенные им против двух женщин, и двух жертвах, которые никогда не будут официально признаны таковыми. В статистике же он фиксируется как жертва, а они как преступницы (8, с.234).

Случаи, когда женщины убивают своих мужей (сожителей), жестоко с ними обращающимися, прекрасно вписываются в выше-названную теорию М.Е.Вольфганга о “victim precipitation”. В более современном варианте этой теории, разработанном американским кримиологом Джеком Катцом (6), показано, как систематическое унижение и постоянная угроза подвергнуться насилию со стороны мужа (сожителя) могут привести к тому, что длительные пассивность, покорность и терпение женщины в конце концов трансформируются в непреодолимый гнев и завершаются (как это формулирует Дж. Катц) праведным справедливым убийством (“a righteous slaughter”) (цит. по: 9, с. 46).

Многие специалисты утверждают, что у большинства преступников было тяжелое детство, что они подвергались жестокому обращению, избиению со стороны родителей или лиц, в обязанность которых входило заботиться о них, заниматься их воспитанием; т.е. они были когда-то жертвами.

В последние годы широкое распространение получило мнение, согласно которому значительная часть сексуальных преступников (мужчин) в детстве подвергались сексуальным посягательствам (5; 7).

Вопреки признанной большинством специалистов значимости проблемы соотношения понятий “жертва” – “преступник”, отсутствия четких граней между ними, легком превращении жертвы в преступника и наоборот, криминологи редко используют эти знания при разработке концепций о причинах преступности. В многочисленных кримино-логических изысканиях, исследованиях, монографиях, направленных на бесконечный, неослабевающий поиск объяснения причин преступности, важная этиологическая роль, которую играет виктимизация в генезисе преступного поведения, остается вне поля зрения (4, с. 3).

Виктимология же, напротив, склонна игнорировать тот факт, что жертва не всегда так уж невинна, чиста и светла, а преступник не всегда так виновен, ужасен и отвратителен.

В отличие от ранних (впоследствии широко критикуемых) виктимологических теорий, согласно которым жертва преступления, как правило, сама своим поведением создает условия, обеспечивающие, а порой провоцирующие совершение против нее преступления, в

современной виктимологии наблюдаются совершенно иные тенденции. Основное внимание сегодня направлено на применение виктимологии на практике. Происходит определенное изменение позиций, взглядов, расстановки акцентов. Меняется отношение к жертве преступления. Предложенное Нильсом Кристи понятие “идеальная жертва” значительно расширяется, охватывая гораздо больший круг лиц. Можно даже констатировать определенную идеализацию жертвы преступления, в том числе и той, которая сама спровоцировала преступную ситуацию. Широкое распространение получает позиция, согласно которой понятие жертвы резко противостоит понятию преступника.

В итоге жертва преступления обретает особое, даже символическое значение. Возникает широкое движение, вернее, многочисленные движения в защиту жертв преступления, в которых принимают участие представители практически всех областей знаний и деятельности. Наблюдаемое якобы предпочтительное отношение к судьбе преступника, к его интересам и изучению проблемы преступника в ущерб интересам жертвы участниками названных движений используется для аргументации критических выступлений против действующей системы уголовного судопроизводства, подтверждения ее несостоятельности вне зависимости от того, чем эта несостоятельность определяется, – слишком мягкими наказаниями, низким уровнем назначаемых компенсаций (возмещение ущерба), слишком высокими требованиями, предъявляемыми свидетелям и т.п. В результате создается впечатление, что (якобы) повышенная “забота” о преступнике в уголовном процессе, т.е. внимание к проблемам, связанным с правонарушителем, неизбежно наносит ущерб интересам жертвы и что улучшение положения жертвы и отношения к ней осуществимо лишь за счет ущемления интересов преступника.

Особую активность проявляют консервативные политики, апеллируя к необходимости защиты жертв преступления, обосновывают ужесточение наказаний, сужение круга правовых гарантий, установление более суровых условий отбывания наказаний и т.п.

Подобное положение наблюдалось, в частности, в годы президентства Р.Рейгана в США и правления правительства М.Тетчер в Великобритании и было продолжено их либеральными последователями. В Дании после новогодней речи премьер-министра страны (1997), где основное внимание было сосредоточено на проблеме преступности, и в том числе на насильственной уличной преступности, на рассмотрение парламента был внесен ряд законопроектов предусматривающих, в частности, ужесточение наказаний за тяжкие насильственные посягательства и некоторые превентивные меры в отношении несовершеннолетних, представляющих потенциальную криминальную угрозу для общества, а также установление правил, определяющих и регулирующих порядок возмещения экономического ущерба жертвам насильственных посягательств (компенсации за необеспеченность защищенности граждан, за неуверенность и страх, которые они испытывают перед опасностью подвергнуться насилию); учреждение местных, независимых консультативных советов специально для оказания помощи жертвам преступления, создание новых и более широкое использование действующих советов по разрешению конфликтов (названные законопроекты вступили в силу 1 мая 1997 г.) (8, с. 237-238).

Все вышеизложенное служит еще одним примером широко утвердившегося подхода, согласно которому жертва практически всегда однозначно идентифицируется с невиновностью и воспринимается как чистое, непорочное, безгрешное лицо, о котором общество должно всячески заботиться; в то время как преступник однозначно идентифицируется с виной, с лицом, которое непременно должно подвергнуться наказанию и желательно как можно более жесткому, серьезному.

В заключение следует отметить, что внимание к лицам, пострадавшим от преступлений, и оказание им всяческой помощи представляется в высшей степени положительным и гуманным фактором. В принципе такая тенденция заслуживает всеобщего одобрения и поддержки. Беспокойство вызывают крайняя односторонность данной позиции, полное игнорирование любых нюансов, идущих вразрез, не совпадающих с предлагаемой установкой. В итоге рассматриваемая сфера отношений предстает в упрощенной черно-белой схеме, не отражающей реальной действительности, а все попытки ученых-исследователей внести в нее некоторые коррективы, понимания пока не встречают.

Список литературы

1. Amir M. Patterns in forcible rape. - Chicago: Univ. of Chicago press., 1971. – 394 p.

2. Brink O.m.fl. Faldende vold i Århus: Hospitalsregistreret vold i Århus gennem en tolvårig periode // Ugeskrift for læger. – Århus, 1996. – Årg 44, N 158. – S. 6277-6281.
3. Døllner L. Gadevold – overfald eller sammenfald? – København: Kriminalistisk instituts skriftserie, 1991. – 276 s.
4. Fattah E. A. Interchangeable roles of victim and victimizer. HEUNJ papers N 3. – Helsinki: HEUNJ, 1994. – 125 p.
5. Hildebrand E., Gregersen C. Dreng og seksuelle overgreb. – København: Hans Reitzels forl., 1994. – 264 s.
6. Katz J. Seductions of crime: moral and sensual attractions in doing evil. – N.Y.: Basic books, 1988. – 367 p.
7. Mendel M.P. The male survivor: The impact of sexual abuse. – Thousand Oaks, L., Sage publ., 1995. – 239 p.
8. Nielsen B.G. Forbryder vs. offer: En kunstig modsætning begreber? // Nord. tidsskr. for kriminalvid. – København, 1998. – Årg. 85. N 3-4. – S. 229-240.
9. Nielsen B.G., Snare A. Viktimology: Om forbrydelsens ofre: Teor og praksis. – Århus: Århus Universitetsforl., 1998. – 184 s.
10. Polk K. Masculinity, honour and confrontational homicide: Men, masculinities and crime / Ed. by Newburn T., Stanko E.A. – L.; N.Y.: Routledge, 1994. – 304 p.
11. Wolfgang M.E. Pattern in criminal homicide. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1958. – XIV, 413 p.

Л.Л.Ананиан, В.К.Малаховский